

Кирдина С.Г. , д.с.н., Институт экономики РАН

Уважаемые коллеги! За десять минут хочу представить вашему вниманию три тезиса. Первый тезис – рассмотрение политэкономии социализма как стадии, звена, элемента российской школы экономической мысли. Второй тезис – характеристика «блеска и нищеты» политэкономии социализма. Третий тезис – обсуждение одной из важнейших и одновременно дискуссионных категорий «поздней» политэкономии социализма - плановости - в свете современного институционального подхода.

Начнем с того, что сегодня обсуждается очень животрепещущая тема – место и роль политэкономии социализма в экономической теории. Об этом говорится и в представленной книге, на это указывает и непредвзятое прочтение работ и других экономических школ. Политэкономия социализма, на мой взгляд, в большей мере является не столько элементом мировой экономической теории, сколько достижением российской школы экономической мысли, которая отстаивает определенный своеобразный подход при анализе общества. Это социальный и одновременно холистический подход, это преимущественное внимание к исследованию другой экономики, экономики нерыночной, основанной на других принципах. Именно эти принципы пытались анализировать политэкономия социализма, и этим определяется в исторической ретроспективе ее вклад в развитие экономической теории, которая развивалась в нашей стране порой в ином направлении, чем в европейских странах.

В то же время политэкономия социализма отличалась, как можно судить «с высоты» прошедших лет, неоптимальным балансом плюсов и минусов. Если мы сравним ее «блеск и нищету», придется признать, что в результате эта наука оказалась нищей при решении тех проблем, которые стояли перед страной. И если сам посыл, о котором здесь уже говорили, сам подход к обществу, сама мощь анализа были чрезвычайно велики, нищета заключалась, мне кажется, в том, что упорно педалировалась марксистская методология в качестве теоретической базы политэкономии социализма. Хотя сама марксистская методология имела свои собственные изъяны. Марксистская экономическая теория, которая с одной стороны, была блестяще применена при анализе общества рыночного типа, оказалась совершенно нежизнеспособной при анализе общества не рыночного типа. Мне кажется,

политэкономия социализма не справилась с задачей ее адаптации к иным условиям, чем те, в которых жил Маркс. И прежде всего это касается тезиса о соответствии производительных сил и производственных отношений. В основе подхода Маркса, как вы помните, лежит тезис, что производительные силы, развиваясь и совершенствуясь, рано или поздно меняют производственные отношения, происходит революция, в ходе которой восстанавливается соответствие создаваемых производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил. Но как можно было развивать этот тезис при декларированном социализме, обществе, в котором рабочий класс уже победил? Предполагалось, что все уже закончилось, партия рабочего класса находится у власти, как же можно было развивать теорию, предполагающую свержение этой партии в дальнейшем? Стало невозможно доказывать, что кто-то следующий придет и это общество изменит. Невозможность примирения с основным тезисом, составлявшим каркас марксизма, в политэкономии социализма, и в то же время следование канонам марксовской теории определили в дальнейшем ее внутреннюю противоречивость, отсутствие в политэкономии социализма четких логических и в то же время идеологически приемлемых построений. Марксизм, взятый как методологическое основание, стал одновременно тормозом для дальнейшего развития политэкономии социализма уже на ее собственной основе. Противоречие между абстрактным и конкретным в ней самой оказалось непреодолимым.

И, наконец, третье – категория планомерность. На основе этой категории, которая противопоставлялась товарности, теоретики политэкономии социализма предлагали различать разные типы экономик. По-моему, это чрезвычайно важно, поскольку даже для многих не экономистов очевидно, что, например, российское и китайское общество более схожи между собой, чем отличающиеся от них американское или европейское. И определить категорию, на основе которой может быть «ухвачено» это различие, чрезвычайно важно. Как мы знаем, содержанием процесса, для обозначения которого введена категория «планомерность», является согласованное движение производственных потоков, когда то, что делается в одном сегменте, потребляется другими сегментами, и при этом существует некая слаженность и координация. Но слово «планомерность» имеет субъективный оттенок, как будто кто-то строит план, а остальные должны подстраиваться. Если бы удалось

найти какой-то другой, более нейтральный термин, который отражает это содержание, принципиально отличающий общество того типа от общества другого типа, и включить его в мировой лексикон, было бы очень важно. Планомерность как категория не очень удачный термин, дискредитирующий само отражаемое им содержание.

В заключение хочу сказать, что не существует в чистом виде обществ, в которых действуют либо товарные рыночные отношения, либо отношения другого типа, для которых политэкономия социализма ввела категорию планомерности. Тем не менее, можно говорить о двух типах социальных систем, в которых либо те, либо другие играют доминирующую роль. Если для американского общества характерно доминирование рыночной экономической среды, то для китайского и российского характерно преобладание экономической среды другого качества. Оптимальный баланс в обществе и эффективное развитие достигаются тогда, когда рынок и «планомерность» сочетаются. При этом доминирует та компонента, которая исторически присуща данному конкретному обществу.